

НЕКОТОРЫЕ ОСТРОВА НЕ ХОТЯТ,
ЧТОБЫ ИХ НАШЛИ

ПРОКЛЯТИЕ СОЛОВКОВ

Red1dark

Red1dark Red1dark

Проклятие соловков

<https://litres.ru/73924423>

SelfPub; 2026

Аннотация

Северный морской берег в густом белом тумане, ранний рассвет. На переднем плане — древняя каменная спираль-лабиринт, выложенная из тёмных валунов прямо на мокром плитняке. Внутри спирали едва угадывается слабое свечение. Вдали — силуэт белого монастыря с колокольной, растворяющийся в тумане. Общая палитра: холодный серо-синий, белый туман, тёмный камень. Атмосфера: мистика, тайна, Русский Север. Без людей.

Содержание

Дисклеймер	4
Глава 1. Туман с востока	5
Глава 2. Архив	9
Глава 3. Берег	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Red1dark

Проклятие соловков

Дисклеймер

Проклятие Соловков

Все события, организации и персонажи в этой книге являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми, структурами или событиями случайно. Президент «Утин» и иные должностные лица, упомянутые в тексте, не являются отсылкой к каким-либо реальным политическим деятелям. Книга написана исключительно в художественных целях.

Возрастное ограничение: 16+

Глава 1. Туман с востока

Катер вошёл в пролив, когда солнце уже почти легло на воду.

Максим Вересов стоял на носу и смотрел, как острова выступают из тумана — медленно, неохотно, точно не желая быть увиденными. Сначала появился тёмный силуэт леса, потом — белая игла колокольни, потом всё остальное: стены, башни, берег, усеянный мокрыми валунами. Соловки открывались не сразу. Будто проверяли — стоит ли.

Он достал телефон и сфотографировал горизонт. Снимок вышел серым и плоским — никакой фотографии не давалась эта особенная северная светотень, где небо и вода почти одного цвета, а граница между ними существует лишь как договорённость.

Договорённость. Слово зацепилось и осталось.

Максим убрал телефон в карман куртки и поднял воротник. Конец августа на Белом море — это не то, к чему готовятся заранее. Он готовился, и всё равно не угадал. Ветер здесь был другим — не московским, не питерским, не тем, что бывает на Балтике. Он шёл как будто из самой воды, снизу, и нёс с собой запах водорослей, соли и чего-то ещё — чего Максим не мог назвать, но что вызывало странное чувство: не тревогу, не предвкушение, а что-то среднее. Узнавание чего-то, чего он никогда не видел.

— Первый раз? — спросили сзади.

Он обернулся. Рядом стоял мужчина лет шестидесяти — широкий в плечах, в брезентовой куртке, застёгнутой до подбородка, с лицом, которое северный ветер обтесал до простой, почти геометрической формы. Он смотрел не на Максима, а на острова.

— На Соловках? — уточнил Максим.

— На Соловках, — подтвердил мужчина, и в интонации не было вопроса — только констатация.

— Да. Первый раз.

Мужчина кивнул, словно это многое объясняло. Помолчал. Потом сказал — негромко, без всякого назидания:

— Они не любят, когда на них смотрят вот так. С фотоаппаратом.

— Кто — они?

Но мужчина уже отошёл на корму и больше не смотрел в его сторону.

Максим проводил его взглядом — брезентовая спина, тяжёлая походка человека, привыкшего к качке, — и снова повернулся к берегу. Острова приближались. Колокольня выросла, стала конкретной, обросла деталями: крест, чуть наклонённый к северу, пятна мха на белёных стенах, узкие окна-бойницы, из которых монастырь смотрел на море так же, как море смотрело на монастырь, — без выражения, без враждебности, но и без тепла.

Добро пожаловать, — подумал Максим и почему-то

усмехнулся.

Гостевой дом при монастыре назывался «Паломник» и представлял собой двухэтажное деревянное строение с крашеными голубой краской наличниками — краска облупилась до серого дерева в тех местах, куда чаще всего бил ветер. Внутри пахло хвоей, сыростью и, почему-то, свечным воском, хотя до ближайшей часовни было метров триста.

Хозяйка — немолодая женщина с таким усталым лицом, что его выражение уже перестало что-либо выражать, — выдала ключ от номера на втором этаже, сообщила, что завтрак с семи до девяти, и добавила напоследок, без всякой связи с предыдущим:

— По вечерам на берег не ходите.

Максим поставил сумку у ног.

— Почему?

— Туман. Скользко, — сказала она и ушла за стойку.

Номер был маленький и чистый. Кровать, стол, окно с видом на монастырскую стену. На подоконнике стоял стакан с засохшим вереском — кто-то принёс и забыл. Максим положил планшет на стол, достал папку с командировочными документами, разложил по порядку. Письмо от Российского исторического общества. Разрешение на работу в монастырском архиве, подписанное настоятелем — отцом Серафимом. Список рукописей, которые предстояло каталогизировать. Стандартный набор, скучный на первый взгляд.

Но Максим знал — в архивных делах скучный первый

взгляд редко совпадает со вторым.

Он сел к окну. Монастырская стена в сумерках была почти чёрной, и на её фоне медленно, почти незаметно двигалась фигура — монах в тёмной рясе, с фонарём. Шёл вдоль стены, освещая каждый шаг, и пятно света двигалось вместе с ним, маленькое и живое среди неподвижного камня.

Максим смотрел, как фигура обогнула угол башни и исчезла.

Потом достал телефон и набрал короткое сообщение в рабочий чат: Прибыл. Завтра начинаю работу в архиве.

Ответ пришёл через минуту: Удачи. Там хорошие фонды.

Он закрыл телефон и долго ещё сидел у окна, глядя на стену.

Где-то далеко — за стеной, за лесом, за краем острова — глухо ударило море.

Глава 2. Архив

Отец Серафим принял его на следующее утро, в половине десятого, в маленьком кабинете за ризницей.

Максим ожидал увидеть архетипического настоятеля — грузного, благодушного, с заготовленными фразами о духовном и туристическом значении обители. Вместо этого за столом сидел худой старик с глазами, которые Максим про себя немедленно охарактеризовал как «нехорошие» — не злые, не холодные, а именно нехорошие в том смысле, в каком бывают нехорошими места: слишком много всего видевшие.

— Вересов Максим Андреевич, — сказал отец Серафим, не поднимая взгляда от лежащей перед ним бумаги. — Историк. Специализация — средневековая русская рукописная традиция. Кандидат исторических наук. Последние два года — Москва, архив Синодальной библиотеки.

— Верно.

— Женаты?

Максим помолчал секунду.

— Нет.

Отец Серафим поднял взгляд. Пауза между вопросом и ответом не прошла мимо него — Максим это почувствовал по тому, как изменился взгляд: не сочувственно, а внимательно.

— Доступ к архиву вы получите, — сказал настоятель, от-

кладывая бумагу. — С одним условием.

— Я слушаю.

— Всё, что вы найдёте в разделе, который в описи значится как «Фонд Особого хранения», — остаётся здесь. Никаких копий, никаких фотографий. Вы можете делать рукописные выписки — только для научного каталога, только для работы с открытыми фондами.

Максим кивнул медленно.

— А что именно в Особом хранении?

— Документы, которые нас не касаются, — сказал отец Серафим таким тоном, каким говорят о вещах, которые касаются очень сильно.

Они смотрели друг на друга. В тишине кабинета слышно было, как за окном кто-то из монахов колет дрова — размеренно, без спешки.

— Хорошо, — сказал Максим.

— Брат Тихон проводит вас.

Брат Тихон оказался высоким парнем лет двадцати с небольшим, с руками, которые явно не знали, куда себя девать. Он шёл чуть впереди по монастырскому двору, время от времени оглядывался — не из вежливости, а как будто проверял, идёт ли Максим следом или уже куда-то свернул. Взгляд был настороженный, но не враждебный.

— Давно здесь? — спросил Максим.

— Три года, — ответил Тихон.

— Местный?

— Из Кеми.

— Нравится?

Тихон снова оглянулся. На этот раз с выражением, которое Максим не сразу расшифровал: человек, которому задают вопрос, на который нет правильного ответа.

— Нравится, — сказал он наконец. — Тихо.

Они спустились по каменной лестнице — влажные ступени, запах старого камня, впитавшего столетия сырости, — и оказались в длинном коридоре с низкими сводчатыми потолками. Здесь горели лампочки в железных плафонах, тёплые и редкие, как огни маяков.

— Архив, — сказал Тихон, останавливаясь у тяжёлой деревянной двери. Достал ключ. — Я буду рядом, если понадобится.

— Спасибо.

Максим взялся за дверную ручку — холодный металл, отполированный многими руками — и потянул.

Архив встретил его запахом, который он любил с детства и никогда не мог описать точно: не просто бумага и пыль, а что-то сложнее — время, ставшее веществом. Стеллажи от пола до потолка, папки, коробки, свитки в деревянных футлярах. У дальней стены — отдельный шкаф с кованым замком, без описи снаружи.

Особое хранение.

Максим прошёл мимо него, не останавливаясь. Сел за стол посередине комнаты, раскрыл планшет, достал каран-

даш. Открыл первую папку из списка.

Работа началась.

Он просидел в архиве до двух часов дня, не замечая времени — это с ним случалось всегда, как только перед ним оказывался старый текст. Рукописи XVIII века, монастырские хозяйственные книги, переписка с материком. Скудный первый взгляд, как и ожидалось.

На втором взгляде он нашёл первую странность.

В одной из хозяйственных книг — 1887 года, записи о поставках рыбы и свечей — посередине страницы, между записью о доставке пшеницы и отметкой о починке кровли, стояло одно предложение, написанное другой рукой, более тонким пером:

«Туман пришёл в ночь на пятое. Брат Иларион не возвращался. Символы обновлены».

И всё. Следующая запись — снова о пшенице.

Максим перечитал три раза. Достал карандаш и аккуратно записал в блокнот.

Символы обновлены.

Он встал, прошёлся по архиву, остановился у кованого шкафа. Замок был старый — не тот, что ставят ради порядка, а тот, что ставят ради дела. Массивный, из потемневшего железа.

Максим убрал руки в карманы и вернулся к столу.

Вечером, когда он выходил из монастыря, брат Тихон шёл за ним до самых ворот — тихо, на расстоянии, как человек,

которому велели присматривать, но не велели это скрывать.

Глава 3. Берег

Хозяйка сказала — на берег вечером не ходить.

Максим пошёл.

Не из упрямства — из привычки проверять запреты на прочность: редко бывало, чтобы человек запрещал что-то без причины, и эта причина почти всегда оказывалась интереснее самого запрета.

Берег открылся за полосой леса — узкая каменистая полоса между деревьями и водой, покрытая мокрым плитняком и бурыми водорослями. Закат здесь выглядел иначе, чем с катера: ниже, тяжелее, как будто солнце не садилось, а тонуло. Море было неподвижным и очень тёмным. Где-то далеко — настолько далеко, что звук доходил задержанным, чужим — кричала птица.

Максим шёл вдоль берега и смотрел под ноги.

Потом остановился.

Камни перед ним были выложены в рисунок — не случайный, не природный. Спираль диаметром метра три, аккуратная, с узкими промежутками между рядами. Внутри спирали — маленький круг из камней поменьше. В центре круга — ничего.

Максим присел на корточки. Камни были сухими, хотя прилив должен был пройти по этому берегу часа три назад. Он поднял один — плоский, серый, с ровным краем. Осмот-

рел. Ничего особенного. Положил обратно, точно на место.

— Не надо трогать.

Голос пришёл сзади — негромкий, без интонации. Максим обернулся.

На берегу стоял тот самый мужчина с катера. Брезентовая куртка, широкие плечи, лицо в сумерках казалось высеченным из того же камня, что лежал под ногами. В руке — деревянный ящик с рыболовными снастями.

— Захар, — сказал мужчина. Не представился — просто назвал имя, как обозначают координату.

— Максим, — ответил Вересов, поднимаясь.

— Знаю.

— Это... лабиринт? — Максим кивнул на спираль.

Захар посмотрел на камни так, как смотрят на старых знакомых, которым не рады.

— Сейд. Древний. Ему три тысячи лет, может, больше. Таких на острове восемь. Туристы думают — просто узор. Паломники думают — языческий идол, крестятся и обходят стороной.

— А вы что думаете?

— Я думаю, что не надо трогать, — повторил Захар и пошёл вдоль берега, не приглашая следовать за собой.

Максим последовал.

— Камни свежие, — сказал он, догнав рыбака. — Кто-то их выкладывал недавно.

— Видно.

— Это не туристы делают?

— Туристы фотографируют и едут домой, — сказал Захар. — Это другое.

Они шли молча. Море справа двигалось едва заметно — длинные, ленивые волны, почти без пены. Слева стоял лес, тёмный и плотный, как стена.

— Три недели назад здесь пропали двое, — сказал Захар вдруг.

Максим покосился на него.

— Я слышал. Паломники.

— Паломница и турист. Пришли порознь, ушли вместе в туман. Нашли рюкзак и сандалию. — Пауза. — Одну сандалию.

— МЧС работает?

— МЧС прошлый раз тоже работало, — сказал Захар. — Два года назад. И позапрошлый раз — четыре года назад. Каждый раз — туман, каждый раз — вещи на берегу, каждый раз — никого.

Максим остановился.

— Каждый раз?

Захар тоже остановился. Посмотрел на него — долго, без выражения.

— Вы зачем сюда приехали? — спросил он наконец. — Не в архив — сюда. На берег. Ночью.

— Проверить, — честно сказал Максим.

Захар кивнул — как будто это был единственный правиль-

ный ответ.

— Тогда смотрите, — сказал он и поднял фонарь.

Луч лёг на берег в сторону леса, и Максим увидел то, чего не заметил раньше: в тридцати метрах, у самой кромки деревьев, лежал ещё один рисунок — не спираль, а что-то другое. Угловатые линии, похожие на руны. Или на знаки. Камни в этом рисунке были крупнее, вдавленные глубоко в берег.

— Это не сейд, — сказал Максим.

— Нет, — согласился Захар. — Это другое.

— Что именно?

Рыбак опустил фонарь.

— Договор, — сказал он. — Его условия.

Он произнёс это так, как произносят слова, которые давно хотелось не произносить — с усталостью человека, который слишком долго нёс что-то тяжёлое и наконец поставил на землю. Не с облегчением. С усталостью.

Максим смотрел на камни.

Где-

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.